

Пётр АВАКОВ,
кандидат исторических наук

«ПРЕВЕЛИКОЙ ИМЕЮТ СТРАХ ОТ МОСКОВСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТЫ»

Керченский пролив и русская разведка в начале XVIII века

Керченский поход эскадры Азовского флота и последующее прибытие русского посланника Емельяна Ивановича Украинцева в Константинополь на 36-пушечном фрегате «Крепость» в 1699 году по праву считаются знаковыми историческими событиями. Эта демонстрация, а также активная колонизационная деятельность России в Северо-Восточном Приазовье, строительство Петром I военно-морского флота в Воронежском крае и верховых казачьих городках на Дону вызывали обоснованную тревогу в Османской империи. Статус Чёрного моря как «внутреннего озера» Турции заметно пошатнулся. В условиях обретающей всё более реальные черты военно-морской угрозы со стороны нарождавшейся морской державы стратегическое значение Керченского пролива для Порты возрастало с каждым годом.

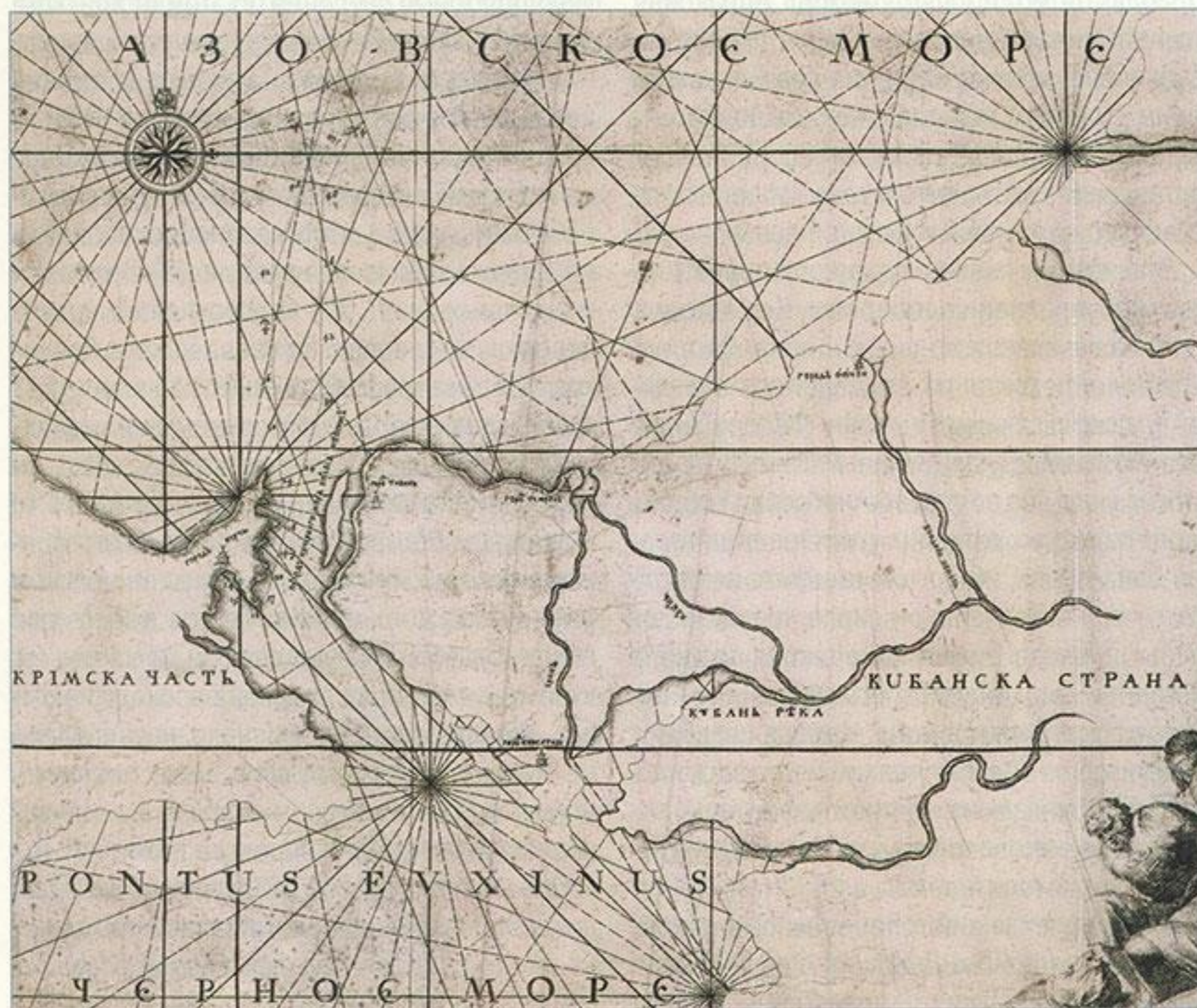
Ещё во время русско-турецких мирных переговоров в Константинополе прогноз о возможных контрмерах турецкого правительства сделал иерусалимский патриарх Досифей II. 16 января 1700 года он сообщил Украинцеву, что «между Керчью и Таманью море не глу-

боко, а есть там глубокого места немного, где проходят корабли, и то место узкое, а не широкое», и если «турки увидят себе какую нужду» от царского флота, то «они могут то место камнем завалить», после чего русские корабли не смогут пройти в Чёрное море. Вскоре кредитор посланника грек Дмитрий Фёдоров поведал ему о слухах, согласно которым, в случае, если мир между Россией и Турцией не будет заключён, султан затопит в Керченском проливе старые корабли и галеры, нагруженные камнем, «и учиня на них фундамент, построит каланчи», чтобы не пропустить флот царя. К августу 1701 года Досифею II уже были известны планы Порты «из Азовского моря в Черное море ход пересыпать, и на том месте сделать крепости многие, чтоб судов московских не пропустить на Чёрное море» — о чём он не замедлил сообщить прибывшему в Адрианополь российскому послу князю Дмитрию Михайловичу Голицыну. Патриарх уверял: турки знают, что российский флот «делается не на ково, токмо на них», и «зело того флота опасаютца». Но если «засыпан будет ход, хотя б сто тысяч наделано было у ве-

ликого государя судов, то немочно тем судам плавания по Чёрному морю чинить»¹.

Слухи о намерении Порты перекрыть Керченский пролив стали известны властям российского Приазовья раньше, чем Голицыну. 10 мая 1701 года служивший в городе-крепости Троицком (современный Таганрог) капитан венецианского флота Маттия Милланковидж (Матвей Симонтов), прийдя для покупки провизии к турецким купцам, прибывшим из Керчи и Тамани, имел любопытную беседу с турком, который прежде «был немчин» и владел итальянским языком. Подробности этого разговора капитан 23 мая сообщил азовскому воеводе Степану Богдановичу Ловчикову. Милланковидж и его принявший ислам соплеменник говорили «о многих иных государствах и воинских делах, которые преж сего были, и ныне что делаетца в... турецкого салтана градех и в иных государствах». При этом собеседник капитана, зная, что тот руководит строительством Таганрогской гавани, заявил: «...У тебя де есть великая работа, и салтан де турецкий хочет строить на проходе меж Керчею и Таманью в Черноморском гирле на воде два шанца, и ищет такова человека, кто бы такое дело знал и строит умел, и он де, салтан, такому мастеру давал великое жалованье». Также он сообщил, что «по се число тому строению почину нет» и что «ныне в Турецкой земле от промыслу в строении ево великого государя вновь городов и пристани имеют турки меж себя в воинском деле опасение великое и шум»². Русское правительство не оставило эту информацию без внимания.

В январе 1702 года Пётр I, подготавливая к повторной поездке в Азов Фёдора Матвеевича Апраксина, как и в 1701 году, дал ему несколько поручений, не входивших в круг прямых обязанностей адмиралтейца. Так, он должен был отправить в Керчь «караблик», нагруженный пушниной и прочими товарами, с тем, чтобы его экипаж, по возможности, осмотрел Керченский пролив и определил: смогут ли турки его засыпать? Также адмиралтейцу предписывалось послать ещё кого-нибудь «с товаром или за каким делом в Крым и велеть смотреть накрепко: станут ли

Керченский пролив в конце XVII в. Фрагмент карты «Восточная часть моря Палус Меотис и ныне называется Азовское море». А. Шхонебек. 1701 г. РНБ.

засыпать или нет, чтоб то их начатие отнюдь не было безвестно». Пётр I был серьёзно обеспокоен возможностью закрытия турками Керченского пролива и осознал, что это может свести на нет его экспансионистские планы в Черноморском бассейне и сделать бессмысленными все усилия по созданию линейного флота. Поэтому, отправляя в апреле 1702 года ко двору султана Мустафы II своего первого постоянного посла Петра Андреевича Толстого, царь поручил ему выяснить: «В Черноморской протоке [что у Керчи] хатят ли какую крепость делать и где [как слышна была], и какими мастерами, или засыпать хатят и когда: ныне ль или во время войны?»³

Апраксин прибыл в Азов 17 июня и 23 июня доложил царю об отправке в Керчь корабля «Благое Начало». От прибывших в Азов греческих купцов адмиралтеец узнал, что турки «великую опасность имеют» от русских кораблей и по слухам «у Керчи крепость делать хотят на острове». Эти толки получили в Крыму широкое распространение. В августе донской казак Пётр Турчанин, вернувшийся из делового вояжа в Керчь и Кафу, сообщил на допросе в Трицком, что «слышал от турков, что конечно де в предбудущей год хотят строить в гирле выше Керчи всякие крепости и город по московскую сторону Керчи»⁴. Необходимость этих мер была очевидна, так как Керчь — восточный форпост османских владений на Крымском полуострове — была не способна обеспечить оборону пролива.

Побывавшему в Керчи кораблю «Благое Начало» не суждено было стать первой ла-

Керченский пролив в конце XVII в. Фрагмент карты из атласа «Новая чертёжная книга, содержащая великую реку Дон или Танаис...» 1703–1704 гг. РНБ.

сточкой в налаживании морской коммерции с Турцией — местные власти не решились дать русским купцам разрешение на торговлю без султанского указа. По возвращении капитан корабля Петер Лобек доложил Апраксину, что из Константинополя в Кафу прислан капиджибаши «для осмотра под Керчью по обеим сторонам места, где возможно строить крепости или 2 костели» (зámка. — П. А.) и составления сметы, «что к тому строению надобно лесу и камня и иных припасов»⁵.

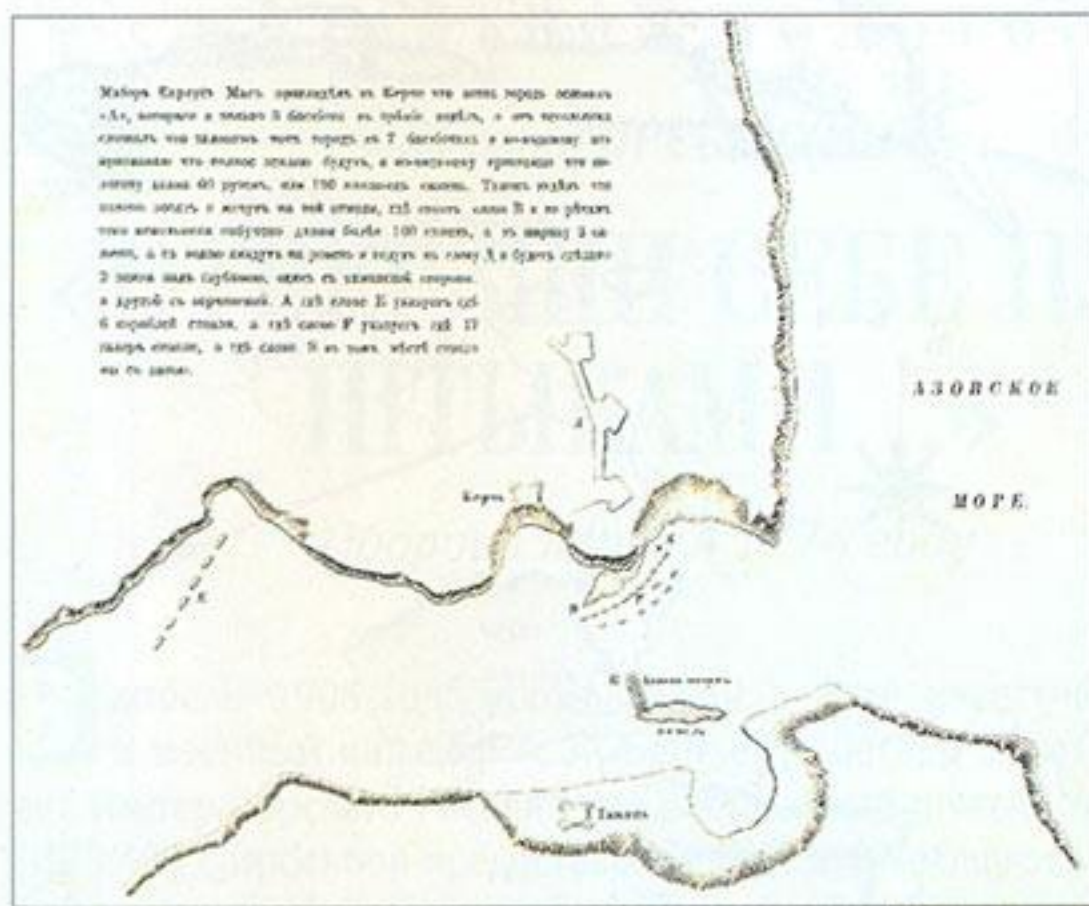
Реализация планов турецкого правительства по укреплению обороны Керченского пролива началась весной 1703 года. 4 апреля Пётр Толстой писал из Адрианополя «президенту посольских дел» графу Фёдору Алексеевичу Головину: «Посланы ныне от Порты многия указы на восток во Анатолию: собрать много работных людей... для строения городов близ Керчи, ибо о том говорить не умолкают, что на Керченском гирле крепость сея весны делать, а болши намеряются то гирло засыпать. Зело, государь, опасны они от морского московского флота... Намерение имеют такое, чтоб от берегов мелкие места засыпать и, укрепя фундамент, построить фортецы... и глубокое место засорить судами, нагряза их камением и потопить там».

В мае приехавший в Воронеж сын покойного атамана войска Донского Фрола Минаева сообщил Апраксину, что к Керчи пришли

двадцать османских судов и турки собираются строить крепости на Керченском проливе в трёх местах: одну — на косе Чушка Таманского полуострова, вторую — в урочище Никольский рынок⁶ на Керченском полуострове, а третью — непосредственно в проливе, где «будто есть какой-будет островок близ самого гирла»⁷. Вскоре в Азове были получены более подробные сведения об этом от донского казака Михаила Сулина, вернувшегося из торговой поездки в Турцию. 12 июня он сообщил воеводе Ловчикову о мобилизации Портой крупных военных и рабочих сил: «А в Цареде городе и в Адрианополе был воинским и работным людям збор великой, и набирали вольницу изо всяких чинов людей, а которых (некоторых. — П. А.) недорослей имали и в неволю», — передавал слова казака Ловчиков в письме графу Головину от 14 июня 1703 года. Если при прежнем великом визире, Далтабане Мустафе-паше, сообщалось, «что им итить зимним путем через Крым на Азов», то при новом, Рами Мехмеде-паше, было объявлено, «чтоб им пот Таманию на Николском рынке Азовского моря в Чёрное море гирло гатить судами, и всяким лесом, и камением, чтоб через то гирло никакова проходу не было». По данным Сулина, турки планировали не только запереть пролив, но и построить крепость «на Крымском острове на Николском рынке, от Керчи верстах в трёх».

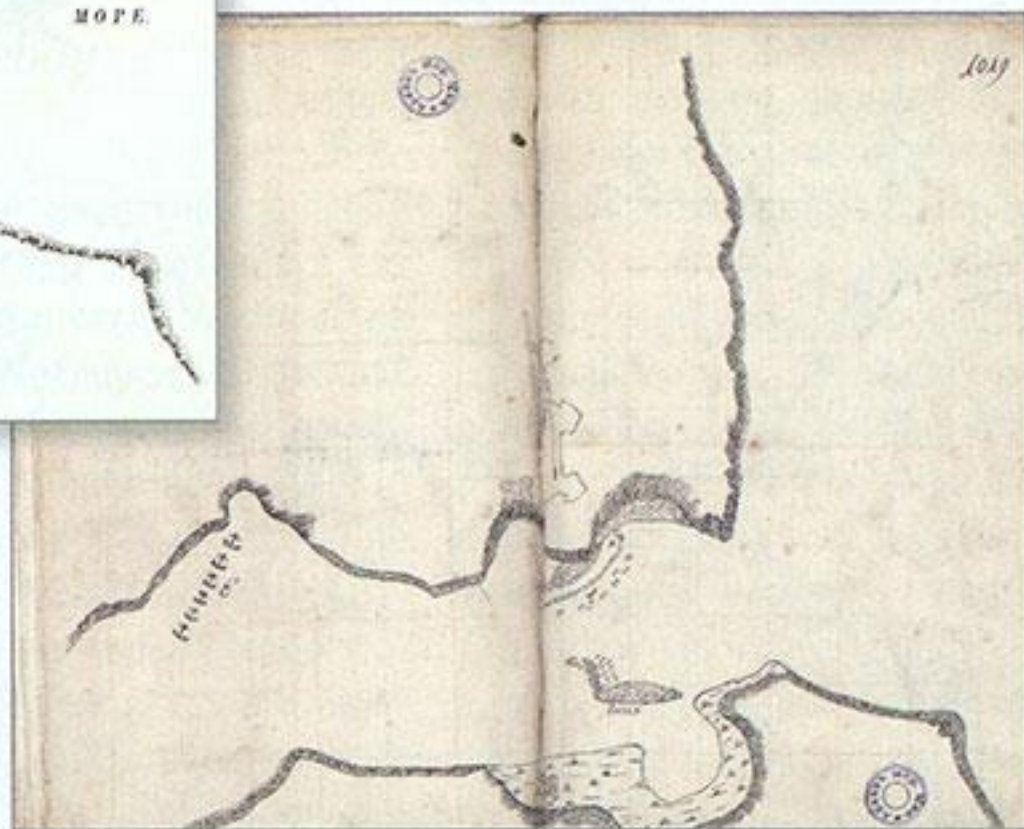
У азовских властей не было оснований не доверять этой информации, так как одним из её источников являлся весьма осведомлённый посол Толстой, на дворе которого в

Воспроизведение карты Керченского пролива К. Маса, опубликованное С. И. Елагиным. 1864 г.

Копия карты Керченского пролива К. Маса, снятая в Разрядном приказе. 1703 г. РГАВМФ.

Адрианополе казак прожил некоторое время в ожидании получения разрешения на торговлю. Кроме того, Сулин владел турецким и татарским языками и по пути из Азова в Константинополь и обратно имел возможность общаться с местным населением. Через несколько дней турецкие торговцы сообщили азовскому подьячему, что летом начнётся постройка крепости «выше Керчи и Тамани на протоке, на той же стороне, где Таман, выше верстах в 5 и болши», куда из Турции уже прибыли транспортные суда. Бежавший из крымского плена житель московской Бронной слободы Михаил Соболев и пожелавший перейти в российское подданство крымский татарин сообщили азовскому воеводе новые подробности. Согласно их показаниям, в Керченском проливе турки собрались воздвигнуть три каменных укрепления: первую крепость — в урочище Никольский рынок, близ Керчи, — «чтоб в том месте великого государя ратные люди прежде не захватили и города не построили», — вторую крепость — на косе Чушка, а напротив неё — башню⁸.

Толстой в своём обширном отчёте, написанном в 1703 году по заданию Петра I, подробно изложил обстоятельства, связанные с принятием Портой решения об укреплении Керченского пролива. По имевшимся у дипломата сведениям, от первоначального намерения засыпать пролив прежний великий визирь Амджа-заде Хусейн-паша воздержался, «разсуждая, что дело будет непотребное, яко бы имея надежду возвратить под державу свою Азов». Его преемник Далтабан Мустафа-паша поначалу «неотвратно было положил намерение... чтоб тое черноморскую протоку засыпать», но затем склонился к мнению, что, если он это сделает, то «великое вечное на себя приведёт бесславию и срамоту, яко бы имея страх от московских кораблей и не могуще иными вымысли и воинскою силою им противиться, засыпает морские протоки, подобно тому, яко бы уже, не видав московского воинского предуготовления, и в осаду от них садится». Поэтому визирь от планов «о засыпании той черноморской протоки воспя-

тился, а намерился всеконечно делать в том месте город». Тем не менее Толстой считал, что в случае начала морской войны с Россией «зело турки к тому блиски, что тое протоку засыпать, понеже превеликой имеют страх от московской военной флоты». Он слышал, что Порта планирует построить в Керченском проливе укрепления, подобные четырём каменным крепостям, защищавшим пролив Босфор по обе его стороны: Румеликавагы, Румелихисары, Анадолукавагы и Анадолухисары. По мнению посла, для реализации этого проекта в Турции имелось достаточно специалистов — «добрых мастеров фортификатом из народа европейского: французов, италианцов, агличан и иных бывших христиан, потом учинившихся супостатами»⁹.

Вскоре сменивший Ловчикова губернатор Иван Андреевич Толстой (старший брат дипломата) по поручению правительства организовал разведку в Керченском проливе, где турки развернули интенсивное фортификационное строительство. Прикрытием послужила официальная миссия. 30 июля 1703 года из Азова в Керчь и Кафу на каге отправился подполковник Иван Нестеров, которому азовский губернатор поручил доставить послание новому кафинскому бейлербею Исмаилу-паше. В послании содержалась просьба ознакомить Нестерова с фортификационными работами у Керчи: «в которых местех те города строятца, и не для разрушения мирного постановления?» В соответствии с полученным наказом, подполковник должен был по пути к Керчи «осматривать, нет ли где каких воинских судов, а по берегам вновь селений или городов». Но основные разведывательные функции возлагались на спутников Нестерова — майора «городового дела» Карла Маса и боцмана

Андрея Миусщика (Миющика), который был ещё и толмачом.

Майору-фортификатору, замаскированному под писаря, предписывалось «втайне сколько будет возможно всякие крепости осмотреть и означить на чертеже», а боцману — «втайне ж турецким и татарским языком с кем возможно провеживать о всяких ведомостях». 6 августа русская кага подошла к косе Чушка, недалеко от которой у противоположного берега пролива стояла турецкая флотилия из семнадцати галер, двух шаек, двадцати каюков и шести ботов, на которых возили камень. Подошедший к каге на двух шлюпках капитан Ахмед, осведомившись о цели визита Нестерова, отвёз его на берег, где был разбит лагерь капудана-паши Ашджи Мехмед-паши — командующего военно-морскими силами Османской империи. На встрече с Нестеровым Мехмед-паша

пояснил, что султан приказал ему построить три крепости в проливе выше Керчи: «один на земле, два на море, и те города строятся не для разрушения мирного постановления и не на рубеже, а в своих землях...»

Когда подполковник, следуя букве наказа, попытался доказать, что строительство этих укреплений является нарушением условий Константинопольского мирного договора, его собеседник справедливо отверг претензии. Капудан-паша заявил, что султану на своей земле «города строить вольно», ведь и у царя «против Таганрога на море город построен каменный, а на нём 12 пушек, а от моря до Миусу сделан перекоп». Речь османского флотоводца свидетельствует о внимании, с которым Порта следила за сооружением Таганрогской гавани и Троицкой линии на перешейке Миусского полуострова. Нестеров с товарищами смогли рассмотреть возводившиеся укрепления, однако посетить стройку им не позволили. В последующие дни, до 20 августа, они наблюдали транспортировку камня на судах и строительство крепости Еникале (Кале-и-Джедид). Оба названия переводятся с турецкого и староосманского языков на русский как «Новая крепость» — не случайно в русских документах начала XVIII века её называли Новым городом.

Находясь на берегу, Мас и Миусщик узнали от грека Георгия, служившего штурманом на турецкой галере, что со стороны Таманского острова турки засыпают море камнем в самом мелком месте, чтобы соорудить фундамент для шанца, и собираются строить аналогичное укрепление напротив, со стороны Керченского полуострова. То же самое позже рассказал пленный малороссиянин, бывший гребцом на турецком боте. Еникале должна была прикрыть Керчь с северо-востока; при

помощи командовавших фарватером морских крепостей турки надеялись взять под контроль судоходство в Керченском проливе¹⁰.

30 августа Нестеров со спутниками вернулся в Азов и доставил губернатору послание капудана-паши. Османский флотоводец уверял «владельца азовского Ивана Андреевича», что султану в Керченском проливе «города строить было не нужно, толк били челом крымские жители, чтоб им построит города и покрепить их владение от приходу воинских людей сухим и водяным путём»¹¹. Результатом проведённой Масом рекогносцировки стал подробный план, который был отправлен из Азова в Разрядный приказ, а оттуда 24 сентября послан Петру I «в поход в Петербург» (перед этим в Разряде с плана сняли копию — она сохранилась до наших дней¹²). Занимаясь обустройством недавно основанной на отвоёванной у Швеции территории крепости, царь не забывал и о делах на южных рубежах России.

Сооружение Еникале продолжалось ещё три года и сопровождалось различными трудностями. В 1706 году недостроенная крепость уже нуждалась в ремонте, так как развалилась одна из её башен¹³. Другие укрепления

Крым и Азовское море в середине 1770-х гг.
Фрагмент «Карты части границы Российской империи...» 1777 г. РГВИА.

в проливе так и не были возведены. Строительством Еникале руководил османский инженер Мехмед Ахан — принявший ислам итальянец. По свидетельству иллирийского купца Саввы Рагузинского, этот «христоотрочник», известный также как Мехмед Голопо, ранее служил в Венеции и перебежал к туркам во время осады острова Негропонт войсками Священной лиги в 1688 году¹⁴.

Азовский губернатор и в дальнейшем внимательно следил за ходом строительства крепости. 30 июля 1704 года он организовал очередную разведывательную акцию в Керченском проливе и отправил туда на каге капитана-поручика Степана Аверкиева с посланием новому капудану-паше Осману-паше, прибывшему с флотом из Константинополя. Формальной целью поездки было получение от него ответа на вопрос: «воинские и работные люди», прибывшие к косе Чушка на военных судах, строят крепость «по указу ль салтанова величества» и действительно ли они пришли для «городового строения», а не для «разрушения мирного постановления»?

Несмотря на просьбы российского офицера, капудан-паша решил не показывать ему крепость, заявив: «Стоит де он, Степан, на море, и смотрит де ему куды похочет не возбранено, а что строитца — то ему видно». Аверкиеву всё же удалось рассмотреть фортификационные сооружения Еникале. Вернувшись в Азов 1 сентября, он вместе со штурманом Давидом Волгановым, командовавшим кагой, начертил карту, которая вместе с копиями его статейного списка и послания капудана-паши затем была отправлена в Москву. 20 октября Разряд послал все эти материалы «великому государю в поход»¹⁵.

Заметим, что Еникале оказалась практически бесполезной в качестве «ключа» к Чёрному морю. В июле 1771 года оставленную гарнизоном крепость без боя занял русский отряд майора С. Д. Бурнашёва, и по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года она была включена в состав Российской империи. Когда вскоре после этого её окрестности обследовали российские военные инженеры, выяснилось, что суда могут свободно проходить в Керченский пролив на расстоянии 2,5 вёрст от Еникале¹⁶.

г. Аксай Ростовской обл.

Примечания

1. История русского флота: Период Азовский: Приложения. Ч. 2. СПб. 1864. С. 348; РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 119–120.
2. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1701 г. Д. 7. Л. 1–2; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 167 об.–168 об.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб. 1889. С. 1–2, 33.
4. Там же. С. 370–371, 374; История русского флота: Период Азовский: Приложения. Ч. 1. СПб. 1864. С. 505; Усенко О. Г. Начальная история кубанского казачества: (1692–1708 гг.)//Из архива тверских историков: Сб. научных трудов. Вып. 2. Тверь. 2000. С. 77.

5. История русского флота... Ч. 2. С. 355–357; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. С. 320; Усенко О. Г. Указ. соч. С. 75.
6. Урочище получило название от монастыря Николая Чудотворца, находившегося там в прошлом.
7. РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 209 об.; История русского флота... Ч. 2. С. 11.
8. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1703 г. Д. 2. Л. 1, 2, 3 об., 5 об.; там же. Ф. 160. Оп. 1. 1703 г. Д. 21. Л. 3–4; Письма гр. П. А. Толстого из Турции к брату его И. А. Толстому//Русский архив. 1864. Вып. 5–6. Стлб. 478.
9. Русский посол в Стамбуле: (Пётр

Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII в.). М. 1985. С. 97–98.
10. РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705 г. Д. 3. Л. 7, 30–30 об., 31 об.–32; История русского флота... Ч. 2. С. 360–365.
11. История русского флота... Ч. 2. С. 365; РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 2. Л. 1032–1033.
12. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 25. Ч. 2. Л. 1018–1019.
13. Там же. Д. 36. Ч. 1. Л. 709 об., 716 об.; Галенко О. И. Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида//Україна в Центрально-Східній Європі. Вип. 9–10. Київ. 2010. С. 268, 270.

14. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 709, 710 об.–712 об.; Толстой П. А. Описание Чёрного моря, Эгейского архипелага и османского флота. М. 2006. С. 286.
15. РГАВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 36. Ч. 1. Л. 683, 684, 703–709, 713–726.
16. Журнал военных действий армий ея императорского величества 1769–1771. СПб. [1770–1773]. С. [566–567]; [Томилов Р. Н.] Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи землям, 1774 года// Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 7. Одесса. 1868. С. 188.